

Муравьев Андрей Николаевич

Мои воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Николаевич М.**
Мои воспоминания / Муравьев Андрей Николаевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 98 с.

ISBN 978-5-519-98161-3

ISBN 978-5-519-98161-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мои воспоминаія.

13 Іюля 1857 г.

Останкино.

Нѣсколько уже разъ, многоуважаемый отецъ Леонидъ¹, вы изъявляли мнѣ удивленіе о странности моего положенія въ свѣтѣ, между мірскимъ и духовнымъ, и это казалось для васъ непонятнымъ. Вчера опять, возвратившись къ тому же предмету, вы настаивали, чтобы я изложилъ вамъ письменно, для памяти на будущее время, какимъ образомъ состоялось мое положеніе, столь необычайное. Признаюсь, не разъ и мнѣ самому приходило это на мысль, чтобы тѣмъ оправдаться въ

¹ Леонидъ (Краснопѣвковъ), Архимандритъ Заиконоспаскаго монастыря, будущій Викарій Митрополита Филарета и Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, † въ 1876 году.

нареканиі ханжества или фанатизма, такъ какъ многіе подозрѣваютъ меня, что мнимое усердіе къ вѣрѣ служить для меня только средствомъ къ достиженію честолюбивыхъ видовъ. Мнѣ кажется, однако, что я никогда бы не взялся за перо, еслибы не убѣдили меня настоятельныя просьбы ваши; часто случается, что, начиная писать апологію, непримѣтно пишешь себѣ панегирикъ, ибо излагаешь то, что только можетъ служить къ оправданію, оставляя въ сторонѣ неблагопріятное, слабости и пороки, однимъ словомъ всю мрачную сторону картины. Опасно быть собственнымъ живописцемъ и судьей, и посторонній человѣкъ всегда лучше можетъ описать своего ближняго, если только перомъ его будетъ руководить чувство христіанской любви.

Самые первые годы молодости, до Турецкаго похода², были уже мною описаны въ свое время и хранятся въ маленькой книжицѣ между моими рукописями. Тамъ изложено, какимъ образомъ во мнѣ родилась страсть къ словесности вообще и особенно къ поэзіи, вопреки математическому и военному направленію,

² 1828 года.

которое мнѣ хотѣлъ дать мой родитель, и какіе были плоды первыхъ моихъ юношескихъ восторговъ. Съ тѣхъ поръ протекло 30 лѣтъ; послѣ столь большого промежутка времени любопытно, можетъ быть, и для самого себя прослѣдить въ отдаленности минувшаго, какимъ образомъ поэтическая наклонность сперва уступила прозѣ, а потомъ обратилась на духовное поприще, избравъ предпочтительно себѣ цѣлью церковные предметы. Такое передвиженіе мыслей и чувствъ можетъ имѣть свою занимательность для наблюдающаго за постепеннымъ развитіемъ человѣческаго сердца. Скажу и то, что побуждало меня въ различные времена избрать тотъ или другой предметъ для моихъ сочиненій. Одно лишь скажу теперь, чего я не могъ своевременно замѣтить, что все сіе совершалось весьма естественно, само собою, безъ всякаго съ моей стороны напряженія и почти безотчетно.

Начну опять съ той минуты, когда въ лагерѣ подъ Адрианополемъ я рѣшился ѣхать во Святую Землю, ибо эта минута была самая рѣшительная въ моей жизни; въ то мгновеніе не разсуждалъ я ни о чемъ, и какъ бы внезапно посвятилъ себя и данный мнѣ та-

лантъ священной цѣли сего странствія, безъ всякаго мудрованія или какихъ-либо видовъ. Щедрою рукою вознаградилъ меня Господь, ибо все, что я ни приобрѣлъ въ послѣдствіи, какъ въ духовномъ, такъ и въ вещественномъ, истекло для меня единственно изъ Іерусалима, и надо мною оправдались слова Евангельскія: «всякъ, иже оставитъ домъ или братію (и прочая), имене Моего ради, сторицею прииметъ» (Матѣ. 19). Это была минута, едва ли не лучшая въ моей жизни, за которую дѣйствительно сторицею получилъ я воздаяніе. Единаго желалъ бы еще, чтобы исполнилось для меня и послѣдующее обѣтованіе Господне: «и животъ вѣчный наслѣдитъ». Но сіе послѣднее надобно заслужить цѣлою жизнію, и страшно, подвигаясь въ годы, видѣть, что скользишь назадъ, вмѣсто того, чтобы, не озираясь, направлять себя въ Царствіе Божіе.

Кто читалъ мое первое путешествіе, могъ довольно видѣть, какъ все мнѣ благопріятствовало; промыслъ Божій будто велъ меня за руку. Не имѣя средствъ къ трудному странствію, я нечаянно ихъ нашелъ и съ тѣмъ вмѣстѣ добрыхъ спутниковъ, тамъ, гдѣ ихъ не ожидалъ, какъ напримѣръ въ Египтѣ, куда

привезъ меня Консулъ Тосканскій на своемъ суднѣ, и цѣлый мѣсяцъ угощалъ у себя въ Александріи и Каирѣ. Въ Іерусалимѣ приняли меня, какъ вѣстника мира, ибо я первый изъ Русскихъ явился туда послѣ войны, и едва вѣрили своему счастью утѣшенные христіане. Бурей, но безвредно, принесло меня въ Кипръ, на Арабской ладѣ; изъ Кипра же на кораблѣ бывшихъ Греческихъ пиратовъ, чего я самъ не зналъ, доплылъ и до береговъ Анатолиі, и дивился, что насъ избѣгаютъ малые суда на Архипелагѣ, но капитанъ служилъ мнѣ, вѣрой и правдой.

Въ Анатолиі, только наканунѣ моего пріѣзда, переловили страшную шайку разбойниковъ, которая во все время войны тамъ свирѣпствовала, такъ что всѣ окрестные жители заключались въ города; мнѣ же открылся свободный путь въ Смирну и далѣе въ Царьградъ. Въ Смирнѣ испыталъ я сильный припадокъ холеры, еще тогда невѣдомой въ Европѣ, но которая явилась къ намъ въ томъ же году; и что же?—не постигая самъ своей болѣзни, я исцѣлился тѣми средствами, которыя бы могъ предписать только опытный врачъ: сперва усиленнымъ движеніемъ, вер-

хомъ и пѣшкомъ, такъ какъ это случилось дорогою, а потомъ теплыми припарками и сильною испариною. Изъ Царьграда, постигнутый ужасною бурей, два дня я носился по Черному морю, почти безнадежно, и хотя разбились многія суда, мы благополучно достигли до Одессы.

Тамъ, наконецъ, когда я вышелъ изъ карантина съ однимъ лишь червонцемъ, первая моя встрѣча была съ родственникомъ, который довезъ меня до Тульчина и далъ средства доѣхать до Москвы. (Наканунѣ Ильина дня, ступилъ я въ Одессѣ на родную землю, и съ радостью услышалъ всенощную службу на родномъ языкѣ; отъ того чувствую всегда день сей перваго моего возвращенія изъ Іерусалима, равно какъ и день Благовѣщенія, когда впервые поклонился я гробу Господню, къ этому же великому празднику возвратился я изъ вторичнаго моего странствія). Друзья мои и товарищи двухъ-лѣтняго похода, отпускавшіе меня какъ-бы на смерть изъ Адрианополя, и которымъ я завидовалъ по малодушію, потому что они возвращались на родину, когда мнѣ предстоялъ дальній путь, въ то время опасный, зимою безъ пароходовъ и въ чум-

ныхъ мѣстахъ, еще не возвратились; они только переходили черезъ Молдавскую границу, послѣ труднаго зимняго похода, а я уже былъ въ Одессѣ, совершивъ утѣшительное странствіе, и прежде ихъ достигъ родины. Такимъ образомъ Господь благословилъ входы мои и исходы, и видимо меня осынила рука Господня. О, если-бы всегда я былъ достоинъ Его милости!

Никто не ожидалъ меня въ Москвѣ, потому что слухъ пронесся о моей смерти. Помню, что, когда пришелъ я навѣстить духовника моего на Покровкѣ (при церкви Воскресенія въ Барашахъ), услышалъ я изъ сѣней разговоръ его съ однимъ прѣѣзжимъ изъ Иркутска, отъ старшаго брата моего³, который желалъ обо мнѣ имѣть извѣстіе. Добрый старецъ говорилъ: «Богу одному извѣстно, гдѣ теперь находится А... Н..., а у насъ пронеслись непріятные слухи, будто его нѣтъ въ живыхъ». Въ эту минуту я отворилъ дверь; оба они вспрыгнули съ своихъ мѣстъ и едва опомнились, думая, что

³ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, бывший Декабристъ, позднѣе Нижегородскій Губернаторъ, женатъ на кн. Шаховской, † 1863 г.

предъ ними привидѣніе. Батюшка⁴ былъ огорченъ тою же вѣстію, и обрадовался мнѣ, какъ воскресшему.—Въ деревнѣ⁵ засталъ я брата Николая⁶, недавно пріѣхавшаго изъ Грузіи, послѣ десяти-лѣтней разлуки, въ ту минуту, какъ онъ отправлялся въ Петербургъ, и радостно было наше свиданіе. Такъ мнѣ все удавалось.

Въ деревнѣ я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы заняться описаніемъ моего путешествія. Главныя черты его, особенно поэтическія, впечатлѣнія духовныя и живописная мѣстность, были записаны на самыхъ мѣстахъ, но свѣдѣнія историческія заимствовалъ я изъ богатой библіотеки батюшки. Тутъ почувствовалъ я впервые необходимость изучить церковную исторію, потому что мнѣ до этого была извѣстна только священная и святыхъ, и я рѣшился прочесть всю пространную исторію аббата Флери; многочисленныя выписки его изъ святыхъ отцовъ заставили

⁴ Николай Николаевичъ Муравьевъ, основатель Училища Колонновожатыхъ въ своей подмосковной Можайскаго уѣзда, въ селѣ Осташевѣ, математикъ и отецъ даровитыхъ сыновей.

⁵ т. е. въ Осташевѣ.

⁶ Николай Николаевичъ Муравьевъ «Карскій», авторъ драгоцѣнныхъ записокъ. Скончался въ 1866 г.

меня обратиться къ ихъ твореніямъ: я пріобрѣлъ въ послѣдствіи такъ-называемую Библіотеку святыхъ отцовъ, или лучшія изъ нихъ извлеченія, на французскомъ, въ 36 частяхъ, и еще житія пустынныхъ отцовъ Востока. Это совершенно ознакомило меня съ духомъ и дѣяніями святителей его и отшельниковъ. Такимъ образомъ, Іерусалиму я былъ обязанъ первыми моими свѣдѣніями о исторіи Вселенской Церкви и ученіи св. отцовъ, и это былъ первый мой шагъ на поприщѣ духовномъ.

Такъ протекла осень; въ Ноябрѣ надобно было ѣхать въ Петербургъ; мнѣ это было страшно, потому что съ самаго дѣтства оставилъ я Сѣверную столицу и всѣ лучшіе годы мои протекли въ Москвѣ или въ Южной Россіи. Свыше всего я любилъ природу, какъ и теперь, и мнѣ казалось страннымъ привыкать къ новому образу жизни столичной и къ суровому климату, послѣ привольной жизни на Югѣ и двухъ-лѣтняго похода, который заключился для меня поэтическимъ путешествіемъ. Самыя обстоятельства соединились какъ-бы нарочно, чтобы въ мрачномъ видѣ представить мнѣ нежеланный путь. Время было зимнее и повсюду свирѣпствовала

холера, между Москвою и Петербургомъ было нѣсколько карантинѡвъ. Братъ мой, съ которымъ я ѣхалъ, только что овдовѣлъ и, убитый горемъ, возвращался въ Петербургъ: нерадостно было такое путешествіе!

Въ Петербургѣ ожидало меня гостепріимство въ радушномъ домѣ Мальцовыхъ, которые съ дѣтства меня знали въ Москвѣ, но и у нихъ нашелъ я горе; я пріѣхалъ къ нимъ наканунѣ шестинедѣльнаго поминовенія старшаго любимаго ихъ сына, и первый мой выѣздъ былъ для панихиды въ Невскую Лавру: тутъ впервые увидѣлъ я митрополита Серафима и добродушнаго намѣстника Лавры Архимандрита Палладія, который сдѣлался въ послѣдствіи моимъ духовникомъ. Такимъ образомъ, первая стихія, въ новой для меня жизни столичной, была церковная, а первымъ впечатлѣніемъ—горе: это не располагало къ разсѣянности свѣтской.

Дорогою въ Новгородѣ былъ я въ Юрьевской обители у Архимандрита Фотія⁷; я имѣлъ къ нему письмо отъ нашей сосѣдки по деревнѣ, Княгини Мещерской, которая въ

⁷ † 26 февраля 1838 г.